

Она говорила, говорила и говорила – в пустоту, сидящую напротив нее за кухонным столом; в безликое нечто, бесшумно поедающее невидимый завтрак; в бесконтрольное облако атомов, разлетевшееся на круглые микронули, как только солнце дотянулось до нашего окна и оставило отпечатки на столешнице и дощечках паркета.

Она рассказывала пустоте смешной случай из детства, перебивала саму себя и переключалась на забавную историю про сынишку коллеги, заливалась искренним смехом и театрально взмахивала руками. Пустота молчаливо и немного надменно принимала ее истории и рассказы, вбирала их в себя, втягивала, как пылесос, отчего становилась для нее еще полнее, ощутимее и привлекательнее. Думаю, она бы даже смогла нащупать что-то в этой пустоте, если бы захотела.

Я стоял в нескольких метрах позади и ждал, когда она обернется. Заметит меня.

Улыбнется так же радостно, как она делала это всякий раз, когда заговаривала по утрам с этим пустым местом напротив. Я не хотел мешать ей, расстраивать ее или прерывать их однобокую беседу. Я лишь хотел, чтобы она меня наконец заметила.

Моя невеста не всегда была такой. Мы знакомы пять лет, год обручены. Собственно, год назад все и началось. Помню, сначала было бормотание. Едва слышно, себе под нос, пока она готовила нам

яичницу и наливала чай. Я подтрунивал над ней, в шутку обижался, что она заговаривает мою кружку и что-то там колдует. Она смотрела на меня каким-то рассеянным взглядом, смущенно улыбалась, отшучивалась и замолкала.

Два утра – ничего, видимо, терпела, а на третье она вновь начинала бормотать. Я даже пытался разобрать, что она там говорит, подходил к ней близко-близко, обнимал сзади, утыкаясь носом ей в шею, и слушал. Удавалось различить отдельные слова, что-то вроде «мяч», «голос», «они», «стрекоза», «нужно», но пониманию это, разумеется, не помогало. По-моему, она и сама не понимала, почему произносит эти не связанные в осмысленные предложения слова. Но я не давил: каждый раз, когда я пытался поговорить с ней об этом, она вся напрягалась, съеживалась, как будто ожидала, что сейчас в нее врежется нечто большое и страшное. Я, конечно, сразу отставал от нее со своими вопросами, прижимал к себе, гладил по волосам, и она успокаивалась.

А потом, через, наверное, месяц, я заметил, что ее бормотание стало громче и отчетливее. Она будто осмелела и уже не стеснялась моего присутствия. Поначалу это было даже забавно. Стали проskalзьывать целые фразочки, а не просто обрубки. Реплики существовали как бы в отрыве друг от друга, я продолжал не понимать, но это хотя бы было интересно слушать.

Ее смех я слышу только за стенкой. Она смотрит не на меня, но сквозь меня. Разговаривает односложными фразами, неохотно отвечает на простые вопросы и совсем не задает своих. Она оживает только по утрам и живет несколько часов, как мушки-поденки, а потом умирает. А я никак не могу на это повлиять.

Например, она могла сказать: «А у той, ну помнишь, рыженькой, была желтая лейка с утенком на боку».

Или: «Когда начался дождь, я спряталась в старом доме и запела на выдуманном языке».

А один раз она произнесла вот что: «Я не хотела их убивать, но он только молчал, молчал как рыба, понимаешь?»

Она явно к кому-то обращалась. И явно не ко мне. В общем, после нескольких таких дней я забеспокоился по-настоящему.

Она отмахивалась, целовала меня в щеку, говорила, что все хорошо. Через неделю стала добавлять, что понимает, как это странно, но у нее все под контролем. Еще через неделю – что ей это нужно и она не может это прекратить. А месяца через два она призналась, что у нее появился новый друг, он ей очень близок, и она надеется, что я приму его.

«Не переживай, он станет бывать у нас только по утрам, когда мы идем есть. Исключительно на кухне и во время завтрака. Все, ни минутой позже! Он не любит навязываться, поэтому не задержится дольше, уверяю».

Я не знал, как нужно отвечать, когда твоя невеста приводит в дом невидимого друга и просит поддержки. Поэтому кивал и ждал: вдруг она скажет что-то еще? И спустя какое-то время она говорила.

«Мне кажется, ты можешь его смутить. Давай ты будешь уходить завтракать в комнату? Там большой диван и плазма – удобней, чем здесь, правда же? Мы бы и сами туда ушли, чтобы тебя не беспокоить, но ему нравится именно кухня».

Я молча уносил тарелку с бутербродами в комнату и продолжал ждать новостей. А она, разумеется, сообщала их.

«Извини, пожалуйста, мне так неловко... В общем, ему кажется, что ты нас подслушиваешь. А это нехорошо. Ну то есть я и сама так считаю! И мы тут с ним подумали... Ты бы не мог надевать те большие наушники, в которых ты играешь за компом? Пока мы с ним на кухне. Или уходить на пробежку... Ты же давно хотел начать бегать по утрам? Думаю, мы бы смогли подстроить все так, чтоб к твоему возвращению его уже не было и тебя ждала свободная кухня. Здорово, да? Что скажешь?»

О, я хотел сказать многое. Но сталкивался с ее взглядом, беспечным, спокойным и полным надежды. Она не видела во всем этом никакой проблемы. Новые дружеские связи не выходили за рамки ее представлений о нормальном. Я ее жених, а он – бесплотный друг, с которым она устраивает безобидные кухонные посиделки. В конце концов, я провожу с ней больше времени в течение суток, чем этот утренний гость. И это со мной она собирается прожить до самой старости. Я видел, как для нее важно мое принятие. Что еще я мог сказать, кроме слов согласия?

Бегать я не начал, хотя какое-то время правда сидел в комнате в наушниках – как дурак – и жевал свои бутерброды. Позже я понял, как это глупо, и просто пытался осмысливать происходящее. Чем я могу ей помочь? И нужна ли ей помощь, если она так счастлива?

Действительно, после завтрака она просто сияла. Я осторожно заходил на кухню, когда различал шум воды: мытье посуды означало уход ее друга. Я негромко спрашивал, что могу сделать для нее, и она, конечно, смеялась и говорила, что тарелок не так много и она сама справится, а я, конечно, имел в виду вовсе не тарелки.

Ее приподнятое настроение растягивалось почти на весь день, но к вечеру она заметно выдыхалась, тускнела. Ее как будто отключали от питания. Лишали энергии. Она стала рано ложиться спать, на три часа раньше, чем обычно, оставляя меня в одиночестве. Раньше мы с ней засыпали одновременно. Своим сном она обрывала этот утомительный день со мной и приближала новое счастливое утро с ним. Я не мог об этом не думать.

Сейчас, по прошествии почти года после нашей помолвки и первых признаков появления пустоты, мне практически никогда не везет застать ее в хорошем расположении. Завтраки начинаются все раньше и заканчиваются все позже. Ее смех я слышу только за стенкой. Она смотрит не на меня, но сквозь меня. Разговаривает односложными фразами, неохотно отвечает на простые вопросы и совсем не задает своих. Она оживает только по утрам и живет несколько часов, как мушки-поденки, а потом умирает. А я никак не могу на это повлиять. Видимо, я мало похож на ее друга. Хотя ощущаю себя именно им – пустым местом.

Последнюю неделю я тихонько выхожу из комнаты и осторожно подкрадываюсь к кухне. Там нет дверей, и я могу за ней наблюдать. Она сидит ко мне спиной, смеется и активно жестикулирует. Я знаю, куда направлен ее взгляд. Мне все равно. Я даже не слушаю, что она ему рассказывает, – просто люблю, какой живой она может быть. Запоминаю, чтобы держать в голове этот образ до вечера: мне тоже нужна энергия.

Сегодня я снова вступил на свой наблюдательный пост – зритель, оставшийся незамеченным увлеченной игрой артисткой. Она как раз заканчивала пересказывать эту услышанную от коллеги историю, как в дверь позвонили. Не ожидая, что она прервет беседу, я пошел открывать.

– Э-э-эй, привет, друг! Мы уже думали, что ты уехал – от тебя неделю нет никаких новостей! – это первый голос.

– Или умер, – поддакнул второй.

– Как ты? В порядке? Давай выпьем чего-нибудь, и ты все нам расскажешь, да? – зазвучал третий голос.

Мои друзья идут прямо на кухню. Я пытаюсь их остановить, лихорадочно придумывая, что им сказать, чтобы не вызвать ни у кого чувства неловкости. Она слышит, что кто-то пришел, и оборачивается. Я виновато смотрю на нее.

– Ты неважно выглядишь, друг, – сетует первый и садится на пустое место. То самое пустое место напротив нее.

Она округляет глаза.

– Можно подумать, год назад, когда мы все познакомились, он выглядел лучше, – хохочет второй.

Она съезживается и втягивает голову в плечи. Я хочу подойти к ней, обнять, как раньше, успокоить, но почему-то не могу.

– Тебе пора выйти на улицу и пообщаться хоть с кем-то настоящим. Помнишь, ты заявлял, что периодически будешь возвращаться в реальность? – подмигивает третий. – Время пришло.

Я смотрю на ее место. Там никого нет.